

20. Лисяк-Рудницький Іван. Перша українська політична програма: «Передне слово» до «Громади» Михайла Драгоманова // Історичні есе. Т.І – К., 1994. Основи С.349-375, С.351;
21. Бурцев, Владимир. Борьба за свободную Россию // Из воспоминаний (1882—1924). Т. I. – Берлин, 1924. Гамаюн. 381 с. С.50-52;
22. Литературная энциклопедия. Т.3. - Москва, 1929-1939;
23. Відповідь М. Драгоманова на ювілейні привітання 16.XII.1894 // М.П. Драгоманов. Вибрані твори. Т.1. – Прага, 1937;
24. Драгоманов М. До «Старої громади» (Перший лист до киян), 8 лютого 1886 // Літературно-публіцистичні праці: у 2-х томах. – К., 1970. Наукова думка, Т.2;
25. Neue freie Presse, 19 Juli 1876;
26. [Б.м.], 1880, рос., франц.;
27. «Вольное слово», 1881;
28. Genève: H.Georg, 1878;
29. Milano: Rivista Minima, 1882;
30. Лисяк-Рудницький Іван. Михайло Драгоманов // Між Історією й Політикою. Статті до історії та критики української суспільно-політичної думки. – Мюнхен, 1973. В-во «Сучасність».

УДК 811.161.2'373.23"8/11" Максимович

Кравчук Г.Д.
(Киев, Украина)

ИМЯ И ЭТНОС В ДРЕВНЕРУССКОЙ АНТРОПОНИМИИ (в контексте исследований М. Максимовича)

В статье рассматриваются антропонимические данные, содержащиеся в древнерусских письменных, эпиграфических и археологических памятниках и произведениях М. Максимовича.

Ключевые слова: *имя, антропоним, древнерусские, христианские, антропонимы.*

В статті розглядаються антропнімічні дані, які знаходяться в давньоруських письмових пам'ятках, епіграфічних і археологічних пам'ятках, а також в роботах М. Максимовича.

Ключові слова: *ім'я, антропонім, давньоруські, християнські, антропоніми.*

This article studies the development of the anthroponomical materials in the ancient and middle Russia.

Key words: *name, antroponims, of the ancient Russia, Christians manes.*

Личные имена имеют и имели все люди во все времена и во всех цивилизациях. В именах людей отражаются быт, верования, фантазия художественное творчество народов, их исторические контакты. Для того, чтобы у каждого народа появилось и начало

© Кравчук Г.Д., 2011

употребляться какое-либо имя, нужны определенные культурно-исторические условия. Все личные имена несут на себе яркий отпечаток соответствующей эпохи. Поэтому имена на людей – часть истории народа.

Для изучения истории (в том числе и отечественной) важное значение имеет использование данных антропониимики. Изучение конкретных проблем антропониимики невозможно без комплексного использования письменных сфрагистических, эпиграфических источников, археологических материалов, достижений современной лингвистики. Однако, в настоящее время преобладают работы, затрагивающие антропониимические проблемы с точки зрения лингвистики. Исследований и конкретных разработок исключительно антропониимического материала с исторической точки зрения очень мало, а конкретно по антропониимике Киевской Руси они полностью отсутствуют.

В.А. Никонов убедительно показал, как сложнейшие вопросы исторических судеб народов могут быть решены с помощью фамилий. Выявляя частотность фамилий на определенных ареалах, автор связывал эти данные с историко-географическими процессами формирования территориальных общностей. Он неоднократно подчеркивал важность этих исследований для понимания этнической истории народов, их расселения, взаимных контактов. Например, среди русского населения Европейской части России В.А. Никонов впервые выделил четыре основных района, в каждом из которых господствовала одна фамилия. Так, на Севере преобладал Попов, в Северном Поволжье – Смирнов, в огромной полосе южнее и восточнее Москвы – Кузнецов, а на северо-западе Европейской части России – Иванов. Обнаруженные четыре огромных массива населения проживали в пределах сложившегося к концу XV в. Русского государства. Эти четыре массива, каждый из которых охватывал миллионы людей, – четыре историко-географические слагаемые России: земли суздальско-vlадимирские, псковско-новгородские, северные и земли нового освоения. К сожалению, на Украине пока таких разработок не существует.

Появление фамилий в Европе происходит также довольно поздно. Первые из них возникли на севере Италии в X-XI вв. В России же фамилии начали формироваться на несколько веков позже.

Исторический подход позволил исследователю сделать вывод, что в каждой стране становление фамилий проходило многие этапы, причем разными путями. В.А. Никонов определил характерные черты этого процесса: фамилии распространялись на территории страны постепенно; они возникали в определенных социальных слоях и обслуживали их интересы. Утверждая свой метод изучения фамилий, ареальное, пространственное их существование, ученый неоднократно указывал на большую ценность подобных изысканий для историков, прослеживающих маршруты больших и малых миграций. Он фиксировал внимание на той информации, которая заключена в оттономических фамилиях работы В.А. Никонова по антропониимии проникнуты идеей о социальной функции личного имени. Они «существуют только в обществе и для общества, оно диктует неумолимо выбор их, какими бы индивидуальными они не казались .личные имена социальные всегда и везде». Интересна попытка очертить реальность антропониимии, выяснить географию славянских, мордовских, среднеазиатских, «мусульманских» и пр. антропониимов. Их формативный анализ позволил автору показать направления миграции населения.

Поскольку фамилии возникали на основе личных имен и прозвищ, то многие древнерусские имена дошли до нас в современных фамилиях. До принятия христианства на Руси были распространены такие имена, которые отражали в себе целую гамму различных свойств и качеств людей, особенности их характера, поведения, речи, физические недостатки, время и очередность появления того или иного ребенка в семье и многое другое. Основой для таких имен становилось как просто соответствующие нарицательные существительные, так и сравнения с животными, птицами, растениями. Среди них было немало тотемных антропонимов. Многие личные имена и прозвища указывали этническую принадлежность их владельцев (названия народности, этнической группы), содержали в себе географические названия.

Так, например на страницах Лаврентьевской и Ипатьевской летописей встречаются такие языческие антропонимы, как Мальк Любечанин (т.е. из Любеча), отец Малуши; Варяшко, (т.е. выходец из варягов), воевода; Туры, варяг, поселившийся в Турове (в данном случае антропоним Туры выступает как прозвище) – договор с реками 480 г.; Ляшко (т.е. выходец из Польши), убийца князя Владимира, 1015 г.; Торчинь, повар Глебов, убийца его торки-народность, этническая группа), 1015 г.; Чюдинё, боярин киевский, (1068, 1072 г.); Торчинь именем Беренди Овчюхъ Стополчь, 1097 г. (в данном случае антропоним Торчин выступает как прозвище в сочетании с языческим именем Беренди); Туряк, владимирец, 1097 г., Торчинь, воевода, 1100 г. и др.

Летописные статьи X-XI ст. фиксируют важнейшие этнические изменения, происходящие в восточнославянских «племенах» одновременно с процессами их политической консолидации.

В летописных сообщениях до 60-х годов IX ст. широко употребительными были: общее наименование «славяне» и региональные – «поляне», «северяне», «древляне», «словене». Первое не подменяло остальных, а лишь подчеркивало их этническую общность. После 60-х годов IX ст., а особенно в первые десятилетия X ст., постепенно закрепляется новое наименование для всех восточных славян – «Русь». Оно равноценно относилось и к стране, и к народу. Летописные выражения «Русь», «Русская земля», «Русские города», «Русские послы», «Русские люди», «Русин», которые содержатся в текстах договоров Киевской Руси с Византией и в других статьях, указывают на активный процесс распространения наименования «Русь» на все восточнославянские земли. В летописных статьях X ст. племенные прозвания практически исчезают и заменяются происходящими от названия городов Руси: «кияне», «новгородцы», «половчане», «ростовцы», «смоляне», «владимирцы» и т.д. Наименование «Русь» распространяется на всю территорию Киевской Руси и становится этнически различимой.

Летописи содержат множество примеров, когда на вечевых сборах Новгорода, Смоленска, Пскова и других городов Руси выступали киевские князья и послы, а к киевлянам обращались на таких же собраниях представители Новгорода, Смоленска, Галича. Многие киевские бояре являлись наместниками киевских князей в других землях Древней Руси. Так, например, упомянутый выше Чюдин и его брат Туки неоднократно упоминаются в «Повести временных лет». В 1068 г. Туки, Чюдин брат, выступает как приближенная особа киевского князя Изяслава. В летописном сообщении о перезахоронении останков Бориса и Глеба в новой церкви г.Вышгорода сообщается, что тогда «держа Вышегородъ Чюдинъ» (1072).

На страницах «Повести» он упоминает под своим этническим прозвищем – Чудин (Чюдин). Но в заголовке краткой редакции «Русской Правды» – «Правды Ярославичей» он именуется «Чюдин Микула». Здесь содержится сочетание этнического имени Чюдин и христианского Николая, переданного в диалектном варианте.

Граффити № 182 новгородского Софийского собора Никола Чюдин упоминается только своим христианским именем. А. Медынцева прочитала эту надпись следующим образом: «Святая София, помилуй раба своего Николу, пришельца из Киева града от своего князя Ярослава в церковь святых безмездников и чудотворцев Козьмы и Демьяна...».

Это граффито датируется 1 ноября 1052 г., через 4 недели после смерти Владимира Ярославича, о которой сообщают летописи (4 октября 1052 г.). Получив печальное известие, Ярослав Мудрый снарядил в дорогу своего гонца, которым и был Чюдин. Из надписи видно, что автор – киевлянин и близкий великому князю человек. В надписи присутствуют церковнославянизмы, некоторые графические особенности имеют аналогии в южно-славянских памятниках и свидетельствуют об образовании Николая Чюдина. Христианское имя Никола (Николай), переданное в форме «Никола», по мнению А. Медынцевой, свидетельствует о его южно-русском происхождении. Для новгородца было бы характерно написание «Микула» (хотя для Пскова также характерна форма «Никола», например, псковской святой Никола Чудотворец-ХVI в., а для южно-русских регионов – «Микола»- Г.К.).

Большая часть настенных древнерусских надписей XI в. Начинается по формуле «Господи, помози рабу своему...». Эта формула широко отражена в древнерусских памятниках сфрагистики и эпиграфики. Известно много печатей, змеевиков, ювелирных изделий, содержащих данную формулу. Она встречается на обломках штукатурки в Киеве.

Для XI-XII вв. в южно-русском диалекте характерны окончания личных имен в дательном падеже на –ови-, -еви. В более позднее время таких окончания характерны для украинского и западнославянских языков. В Древней Руси вплоть до XIII в. Окончания на –ови, -еви (-ов, -ев) имели широкое распространение в новгородском и смоленском диалектах: «послави» ,»мастерови» (Смоленск), «Георгиеви», «Иванкови», «Михайлови» (Новгород), «Васильеви», «Лазареви», «Федорови» (Киев).

В древнерусских граффити Новгорода и Киева широко употребляется также, окончание на -у: «Господи, помози рабу своему Тудоровух (Новгород, София); «Господи, помози рабу своему, Ивану...» (Киев, София).

Большой интерес среди записей подобной группы («Господи, помози...») представляет граффито с именем Ставр: «Господи, помози рабу своему Ставрови, недостойному рабу твоему». Рядом находится еще одна запись, явно связанная с предыдущей : «Писал Ставр Городятинич». Данные надписи расположены в центральном нефе собора, на втором от алтаря крестчатом столбе, на фреске с изображением св. Николая, на высоте 1,1 м от уровня пола XI в. [1, 81-82]. Здесь, вероятно, в имене Ставр отражено этническое происхождение его носителя (Ставр - «из Таврии», Г.К.).

Аналогичной является надпись XII в. на изображении св. Онуфрия в южной части собора: «Пищан писал в дьяк ходи выоченником». Здесь указывается интересное языческое имя Пищан, отражающее этническое происхождение его носителя из славянского племени радимичей, которое по данным Повести временных лет проживало на берегах

реки Пищани. Там их разбил воевода Владимира Святославича Волчий Хвост. Летописец в связи с этим приводит известную по тем временам поговорку: «Пищане от Волчьего Хвоста бегут». Указанный в данном граффито Пищан ходил в Софию Киевскую к дяку изучать грамоту и песнопения. Вероятно, он хотел посвятить свою жизнь церковной деятельности. Исходя из надписи следует, что софийские дяки занимались подготовкой церковных кадров. [2, 150]. Не исключено, также, что антропоним Пищан является этническим прозвищем, а не именем, его подлинное имя пока неизвестно (Г.К.).

Духименность – один из интереснейших и наиболее сложных этапов эволюции древнерусского имени. Отсутствие каких-либо сведений о системе наречения именем на Руси в дохристианский период не дает возможности говорить с уверенностью о существовании духименности в то время. Однако, консервативность обычаев и обрядов позволяет предположить, что это явление возникло не с принятием христианства, а было известно как своеобразная система и в предшествующий период. Принудительная христианизация лишь способствовала распространению духименности среди населения Руси как знака протеста против населения канонических догматов. В Древней Руси даже княжеская верхушка продолжала носить свои звучные славянские имена, о чем свидетельствуют многочисленные источники. Поэтому Владимир Мономах писал в своем «Поучении»: «...Я... названный при крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью свою Мономахами». Владимир-Василий Всеволодович Мономах, сын Всеволода Ярославича, назван здесь славянским именем Владимир, христианским Василий, прозвище Мономах указывает его этническую принадлежность. Владимир Мономах был известен на Руси как раз под своим древнерусским (славянским) именем Владимир. Христианское же его имя – Василий упоминается крайне редко.

Польский ученый Тадеуш Скулина, изучив письменные источники X-XIV в., пришел к выводу, что языческие имена встречаются в текстах в следующей последовательности: до X ст. – 100 %, XI ст. – 71 %, XII ст. – 61%, XIII ст. – 46,8 %, XIV ст. – 19 %.

В отличие от языческих имен, некоторые антропонимы периода Древней Руси имеют чисто прозвищный характер (т.е. являются прозвищами, а не именами). Довольно часто прозвища отражают национальность, род деятельности и происхождение их носителей. Например, в «Повести временных лет» можно увидеть такого рода прозвания у различных категорий населения: «Иван, нарицательный Цимский царь Греческий *(Иоанн Цимский, император Византии)»; «Муж Корсунянин, именем Настась» (Анастас Корсунянин, настоятель Десятинной церкви); Болеслав Лядский (Болеслав I, король польский); «Стефан Угорский» (Стефан I, король венгерский); «андрих Чешьскы» (король чешский); «Стополк Окаянный» (Святополк, князь киевский, в такой же форме его имя упоминается и в граффито Софии Киевской); «Настас Десятинный» (Анастас Корсунянин); «Жидята» (Лука – епископ Новгородский); «Царь именем Мономах» (Владимир Мономах); «Болгарыня» (жена князя Владимира Святославича); «Семион Болгарский» (царь болгарский); «Грекиня» (жена князя Ярополка).

Немало представителей христианской церкви упоминаются по названиям своих метрополий и приходов. Так, епископ Переяславский выступает как «Петр Переяславский», епископ Юрьевский как «Михаил Гоугервьский» («Гюревский»); чернец Игнат «Игнат Чернь» («ибо имя ему Чернь...»); Лука, епископ Белгородский – «Лука Белгородский», игумен Переяславский – «Сфреъм Переяславский», Мартин, игумен Юрьевский – «Мартинъ Гоугервьский».

Некоторые князья также упоминаются по названиям своих княжеств. Например, «Вячеслав» снь Ярославль смоленский); (Вячеслав Брючиславич, сын князя Брючислава Изяславича, князь Полоцкий); «Благоданный князь Всеволод, державный Русской земли» (Всеволод Ярославич, сын великого князя Ярослава Владимировича, великий князь Киевский).

М.А. Максимович – один из первых ученых Украины демократического направления, основоположник украинской этнографии, источниковедения, историографии, как науки, исторической географии, фольклористики. Он был исследователем городов и сел, фундатором археологического музея, издателем первых в Киеве гражданских историко-литературных журналов, переводчиком и поэтом.

Большинство выдающихся современников (Т.Г. Шевченко, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, В.Ф. Достоевский и многие другие) высоко оценивали деятельность ученого. С восхищением вспоминали о нем А.И. Герцен, В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, И.Я. Франко, о нем высоко отзывались прогрессивные ученые России и Запада.

В 1837 г. была издана отдельной книгой статья М.А. Максимовича «Откуда идет Русская земля по сказанию несторовой повести и по другим старинным писания русским». Это исследование посвящено памяти выдающегося русского ученого М. Ломоносова. Кроме исторических исследований, в этой работе Максимович показывает свою собственную периодизацию русской словесности. I период, древний – от 60-х годов IX века до последней четверти XIII в. II период, средний – от последней четверти XIII по XVIII вв. III период, новый – XVIII – первой четверти XIXвв.

В своем исследовании «О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении ее новопришлым народом. (Письмо М.П. Погодину)» М. Максимович опровергает господствовавший тогда тезис о мнимом запустении «Киево-Переяславской земли или Украины в нашествие Батыево», («...т.е. на два сорока лет, прошедшие от Батгя до Гедемина...»). Автор анализирует сведения древнерусских летописей (в частности Воскресенский список) и других письменных источников (Киево-Печерский патерик), ссылается на сведения итальянского миссионера Плано Карпини, он посещал Киев в то время (XII в.) и др. источники.

В этом исследовании М. Максимовича содержится довольно много древнерусских и древнеславянских антропонимов. Например, в рассказе о разорении Батыем Печерского монастыря он упоминает игуменов Печерских: «...красноречивый, зелоучительный Серапиан, поставленный в епископы владимиросудальские (1274 г.), и Агапит, бывший (1288 г.) во Владимире-Волынском на погребении набожного князя Владимира». Имя Серапиан – из греч. Серапиан: Серапин – эпитет Юпитера и других богов по им. египетского бога жизни, смерти и исцеления. Антропоним Агапит (т.е. Агап), у сл. Агапий, из греч. Агапиос: агапао – любить, ср. агапы – братские трапезы, рацион христиан. Как известно Агапит был врачом Киево-печерского монастыря в древнерусское время. Имя князя Владимира (волынського) – древнеславянское от основ слов со значением владеть + мир – образование, параллельное германскому Вальдемар, в древности писалось Владимир, затем выравнивалось по типу сложных имен со вторым компонентом – мир. Как указывали мы в статьях, опубликованных ранее, в древнерусской антропонимике содержится очень много древнегерманских именных основ или их подобные образования в славянском переводе (см. статьи Кравчук Г.Д. в сборниках «Язык и культура»).

В указанном исследовании М. Максимовича упоминается, также, «Димитрий, тысяцкий киевский», отличившийся своим мужеством при обороне Киева от войск Батыея. Димитрий (Дмитрий), у сл., из греч. Димитриос / Деметриос от имени греч. богини земледелия и плодородия Деметры, сестры Зевса, откуда его эпитет Деметриос / Дамантриас, Димитриан – возможно из греч. Деметреон / Димитрион – название месяца македонского календаря.

Далее автор упоминает «киевского вельможу Родиона Нестеровича, вышедшего с 1700 княжатами и детьми боярскими...». Здесь мы видим христианское имя Родион и отчество Нестерович, образованное от христианского имени Нестор. Родион – из греч. житель Родоса, Родосский. Нестор, разг. Нестер из греч. Нестор – имя старейшего участника Троянской войны возможно из греч. неомай /несамай – вернуться.

Полемизируя с Погодиным о происхождении названия «украинцы», Максимович упоминает Андрея Боголюбского или князя Андрея. Андрей – из греч. Андреас: андресос мужественный. Боголюбский – прозвище (калькирование из греч. – «любить бога»), либо фамилия возникшая из топонима («Боголюбово») в XVI и XVII вв.

Далее автор упоминает, также «норманство Рюрика...», имя Рюрик – древнерусское, из др. – герм. Хродрик: хрод слава + рик богатый, могущественный.

Полемизируя с Погодиным о «великороссах» и «малороссиянинах», Максимович приводит несколько «примеров». Так, в Примере 1, автор упоминает Игоря Святославовича, Игоря, Святослава и Рюрика. Он анализирует Киевский летописец и ссылается на очень интересный и малоизвестный источник – «Игорева Песнь». Антропоним Игорь Святославович содержит древнерусское имя Игорь скандинавского происхождения (из сканд. Ингварр: Ингвио – имя бога изобилия + варр охранять) и отчество Святославович от славянского имени со значением святой + слава. Это упомянутое выше калькирование по принципу древнегерманских именных основ.

В Примере 4 (указ. Произведения Максимовича) содержатся следующие антропонимы: князь Володимер (см. выше), «Святой Володимер как равноапостольный князь»; Нестор (см. выше), «Володимер Святославович» (см. выше); Ярополк (славянск. Имя от основ слов со значением ярый, яркий + битва, поход, войско; опять таки древнегерманское калькирование – см. выше); Олег (из сканд. Хельге: хельги святой); женский антропоним Рогнеда и отчество Рогвольдовна. Рогнеда Рогвольдовна – жена князя Владимира и дочь полоцкого князя (980 г.), Рогнеда – древнерусское имя из сканд. Рагхильд: древнегерманское рагин совет + хильд битва. Интерес представляет отчество Рогвальдовна от имени полоцкого князя Рогволда. Антропоним Рогволд двусосновой, возможно из древнегерманского рагин разум или древнерусского рог – символ богатства + германского Вальд от основ слов со значением владеть.

В своем «Очерке Киева» М. Максимович описывает древний Киев, начиная с 864 года и до современного ему времени. В этом произведении он анализирует не только письменные источники о древнем Киеве, но и приводит много данных археологии, например, надгробные надписи, исследует топонимы древнего и средневекового Киева.

По мнению М. Максимовича, «в каком веке он (Киев – Г.К.) начался, о том нет исторического свидетельства. Отец бытописания русского преподобный Нестор передал нас сказание только о строителях Киева, трех братьях – Кие, Щеке и Хориве, которые будучи князьями здешних славян, именовавшихся полянами, построили «над Днепром город,

во имя своего старшего брата». По византийским и арабским источникам, эти три князя были христианами и имели христианские имена (не исключено, что это – прозвища, происходящие от топонимов или гидронимов, ср. Киянка – ручей. – Г.К.).

Далее М. Максимович указывает, что «в 864 году русские витязи Аскольд и Дир, плывшие по Днепру в Царьгород..., отвоевав его (Киев) у хазар, начали княжить в нем. Таким образом, Киев стал городом русским, а через два года крещением Аскольда и Дира в Цареграде началось христианство в Киеве и его теснейшее сношение с Грецией».

«Русские витязи» Аскольд и Дир были скандинавами по происхождению, т.е. «варягами», многие из них были наемниками в дружинах русских князей. Имена Аскольд и Дир – скандинавского происхождения, хотя и считаются славянскими. Например, имя Аскольд происходит из др. – сканд. Хоскальд/Хаскольдр. Аскольд и Дир – братья, бояре князя Рюрика, князья Киевские в 864-882 гг., упоминаются в «Повесте временных лет».

В 882 году Киевом овладел Олег «для Рюрикова рода» (см. «Очерк Киева» М. Максимовича). Антропоним Олег так же скандинавского происхождения (см. выше). М. Максимович называет его «Вещим Олегом», имея, вероятно, в виду известную «Легенду о Вещем Олеге». Олег Вещий (сконч. В 922 г.) – великий князь Киевский династии Рюриковичей.

Далее в своем «Очерке Киева» ученый указывает «крещение св. Владимира в Корсуне и народа русского в Киеве, в водах Днепра и Почайны» (988 г.). Великого князя Киевского Владимира, внука княгини Ольги и князя Игоря, автор наделяет здесь почетным званием «святой Владимир». Расшифровку антропонима Владимир см. выше.

Рассказывая о Киеве XI века во время правления Ярослава Мудрого, Максимович называет его (князя) Ярославом Благовластным». Такое почетное прозвание этого князя в источниках почти не встречается. Такое сочетание имени Ярослава Мудрого указывается только в некоторых скандинавских сагах и византийских хрониках. Ярослав – славянский антропоним от основ слов со значением ярый, яркий + слава. Прозвище Благовластный звучит как родовое прозвание у византийских императоров. Здесь, вероятно, М. Максимович именно это и имеет в виду (Г.К.).

В рассказе о монастырях и церквях древнего Киева, автор упоминает «преподобного Алимпия – иконописца, мозаика и вместе врача Печерской обители». Олимпий (разг. Алимпий) из греч. Олимпиос олимпийский – эпитет Зевса, Аскления и др. богов. Не исключено, также, что данное имя Печерского старца может звучать и как Алимпий из греч. алипос беспечальный, неомрачаемый, нестареющий (Г.К.).

Говоря «о том хлебосольстве и общественном веселье, которыми отличалась и жизнь в древнем Киеве М. Максимович упоминает «почетные пиры Красного Солнца Владимира». Такое прозвище великого князя Киева в X веке отражало языческие представления о князе, как о наместнике бога (ср.: Ярило – солнце), оно широко отражено в народных песнопениях и русских сказках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI-XIV вв., 1966.
2. Висоцький С.О. Київська писемна школа X-XII ст. Львів – Київ – Нью-Йорк, 1988.
3. Михайло Максимович. Вибрані твори / Упор. і вст. сл. В. Короткого. – К.: Либідь, 2004.
4. Суперанская А.В. Имя – через века и страны. – М.: Наука, 1990.
5. Суперанская А.В. Имя и эпоха (к постановке проблемы), в кн. «Историческая ономастика». – М.: Наука, 1997.
6. Русские имена в исторических лицах, церковных и народных праздниках, пословицах и примерах / сост. Н.И. Решетников. – М., 2002.

УДК 821.01/4.121

Карпенко М.О.
(Київ, Україна)

ЛІНГВІСТИЧНА ШЕВЧЕНКІАНА Л.А. БУЛАХОВСЬКОГО В УКРАЇНОЗНАВЧОМУ КОНТЕКСТІ КИЇВСЬКОЇ ІСТОРИКО-ФІЛОЛОГІЧНОЇ ШКОЛИ

*«Все, зроблене в першій половині XIX ст.
для української літературної мови як знаряддя національної
культури, поступається своїм значенням перед тим,
що вніс у скарбницю її Тарас Шевченко (1814-1861)»
(Л. А. Булаховський) [1].*

Один із законодавців сучасної східнослов'янської філології з найширшим діапазоном дії, мовознавець зі світовим іменем в галузі наукової славістики, українознавства, русистики, академік НАН України Леонід Арсенійович Булаховський (1888 – 1961) приділяв велику увагу творчості найавторитетніших носіїв національних літературних мов – видатних українських і російських письменників. Закономірно, що він був безпосередньо причетним і до опрацювання мовної спадщини великого Кобзаря – Тараса Григоровича Шевченка, тобто до сучасної лінгвістичної Шевченкіани як невід'ємної частини історії української літературної мови і лінгвостилістики. Тим більше, що саме Л.А. Булаховського дослідники вважають засновником відповідної наукової школи в Україні [2].

У цій якості його мовознавчі студії Шевченкових текстів зосереджені на двох взаємопов'язаних проблемах: 1) мовної майстерності, індивідуально-авторського стилю поета; 2) ролі Т.Г. Шевченка в формуванні, становленні й розвитку нової української літературної мови на народній основі, ствердженні її як самостійної й рівноправної в колі інших слов'янських і неслов'янських мов. Обидва напрямки виразно представлені

© Карпенко М.О., 2011